

«Пишу всякую всячину только для заработка»
Письма А.А. Кизеветтера к В.А. Мякотину и К.Н.
Гулькевичу. 1923–1932 гг.*

Революционные потрясения 1917 г., Гражданская война и установление большевистской власти в России привели к массовому отъезду за ее пределы миллионов наших сограждан. Среди них было немало историков, продолживших профессиональную деятельность в эмиграции. Воспринимая ее как временное явление, они ставили перед собой задачу «сохранения и приумножения русской культуры», органической частью которой была историческая память. Значительная роль в этом принадлежит А.А. Кизеветтеру¹, оказавшемуся за границей в числе пассажиров «философского» парохода в 1922 г. и в течение десяти лет, до своей кончины, работавшему в русских учебных, научных и просветительских организациях. Много сил ученый отдал Русскому зарубежному историческому архиву (РЗИА), созданному в 1924 г. по инициативе Земгора (объединенного комитета Земского и Городского союзов). Он возглавлял его управляющий орган – совет, ученую комиссию, руководил сбором документов, периодики, а также развернувшейся с 1929 г. издательской деятельностью².

Для дореволюционных работ Кизеветтера характерны две отличительные черты: преобладание строго документальной основы исследования и комплексный подход к освещению проблемы³. Вероятно, именно эти качества Кизеветтера как ученого обусловили то, что в условиях эмиграции, из-за отсутствия прочной базы в виде архивных источников, ему не пришлось создать крупные, новаторского характера работы. Вместе с тем знание научной литературы по различным проблемам или периодам отечественной истории стало фундаментом историографической рефлексии. За эти годы историком было создано немало: библиография трудов насчитывает более 500 наименований⁴. Среди них выделяются «На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881–1914» (Прага, 1929. 524 с.); «Московский университет: Исторический очерк. 1755–1930. Юбилейный сборник» (Париж, 1930. С. 9–140); «Исторические силуэты» (Берлин, 1931. 300 с.). В свет вышли сотни рецензий и откликов на научную, художественную и публицистическую литературу,

А.А. Кизеветтер. 1920-е гг.

* Авторы выражают благодарность за помощь в подготовке данной публикации д-ру ист. наук З.С. Бочаровой (Москва).

театральные постановки. При этом историографическое наследие ученого демонстрирует эволюцию его взглядов, раскрывает творческий потенциал позитивизма⁵.

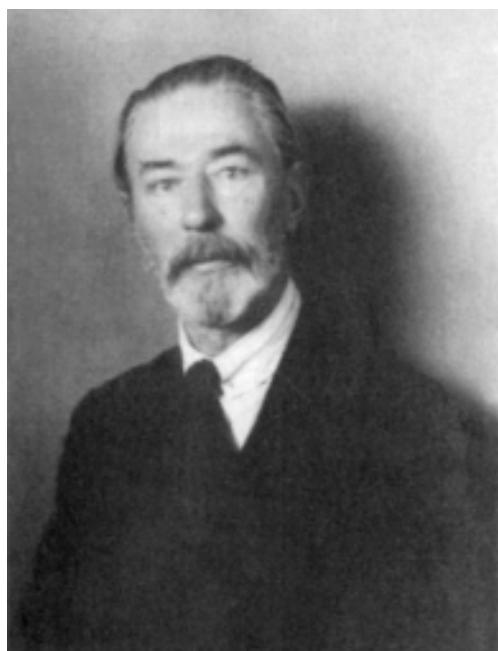
Однако сам историк считал, что он «ничего путного» не пишет и делает это «только для заработка». Данные слова – своеобразная квинтэссенция трагедии крупного ученого, осознающего свои потенциальные возможности, но связанных жизненными обстоятельствами. Их и раскрывают публикуемые документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), которые находятся в фондах историка, члена совета и ученой комиссии РЗИА В.А. Мякотина⁶ (Ф. Р-5917) и помощника Ф.Нансена по делам русских беженцев К.Н Гулькевича⁷ (Ф. Р-6094).

Письма В.А. Мякотину (Док. № 1-10) затрагивают множество тем и показывают доверительные отношения между историками. В условиях эмиграции даже простые вопросы превращались в серьезные проблемы – будь то получение образования близкими родственниками (Док. № 1); поиск вышедшей литературы, особенно в СССР (Док. № 5), или публикация работ (Док. № 3, 4). Неопределенность социального статуса эмигрантов поражала конфликты, слухи и нервное напряжение (Док. № 6, 9).

Письма А.А. Кизеветтера К.Н. Гулькевичу (Док. № 11-13) затрагивают важную сторону бытия изгнанника – жилищную проблему. Ученый, как и многие его коллеги, долго жил в пражских пригородах, где квартиры были дешевые, чем в Праге, а затраты на железнодорожный транспорт минимальными⁸.

В решении жилищного вопроса помогли эмигрантские кооперативные товарищества. В исторической литературе часто упоминается «профессорский» дом, фактически же их было три. В ноябре 1922 г. организовалось Чешско-русское профессорское строительное и квартирное товарищество. К весне 1925 г. в новом пражском районе Бубенеч по проекту русского архитектора В.А. Брандта был построен дом на 42 квартиры. Общая его стоимость составила 2,7 млн крон, из которых профессора внесли 100 тыс. крон, а остальную сумму выделил Государственный земельный банк под гарантии Министерства социального обеспечения. Погасить ссуду предполагалось за счет квартирной платы в течение 60 лет⁹. Злые языки называли этот профессорский дом «братьской могилой», поскольку средний возраст профессоров и их супруг превышал шестьдесят лет¹⁰.

А.А. Кизеветтер в этом доме не получил квартиры из-за конфликтной ситуации. Он вступил в кооператив «Spolec^{Vně} Domov», созданный в мае 1925 г. по инициативе К.В. Автономова, Г.Н. Добрякова, М.Л. Ляховича, Ф.С. Мансветова. Все они принадлежали либо к партии эсеров, либо к кругу

В.А. Мякотин. Начало 1930-х гг.

симпатизировавших им лиц и имели связь с РЗИА. Финансовую поддержку начинанию оказала касса взаимопомощи «Славянская взаимность». В планы общества входили постройка двух многоквартирных домов в пражских районах – Дейвице и Страшнице, а также нескольких частных домов – в окрестностях столицы. Однако организаторы общества допустили серьезные финансовые нарушения при строительстве, что привело к судебному разбирательству. Здание было введено в эксплуатацию в 1930 г. и располагалось на Подбабской улице (позднее – проспект Короля Александра, 17)¹¹. Дом получил название «У трех жуликов». Письма-ходатайства А.А. Кизеветтера к К.Н. Гулькевичу касались строительства именно этого дома, в котором наконец-то поселилась его семья.

В эмиграции Александр Александрович потерял жену и друга – Екатерину Яковлевну (их связывали десятилетия совместной жизни), а также падчерицу, которую воспитывал с раннего детства¹². Эти трагедии не могли не сказаться на здоровье историка – он заболел диабетом. Лечение требовало денег, а заработать их становилось все труднее (Док. № 9).

Публикуемые письма раскрывают трагизм положения пореволюционной эмиграции, но вместе с тем личное мужество изгнанников, их преданность делу, способность к самоорганизации. Отобраны документы, наиболее полно отражающие творческие и бытовые условия жизни историков-эмигрантов. Частьдается в сокращении: изъяты фрагменты, не относящиеся к теме публикации. Тексты писем переданы с сохранением их орфографических и стилистических особенностей.

Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии **В.И. ЦЕПИЛОВОЙ, М.В. КОВАЛЕВА.**

¹ Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, профессор Московского университета; член ЦК партии кадетов. После 1917 г. неоднократно арестовывался. С февраля 1919 г. заведующий отделением ЕГАФ, затем профессор 2-го МГУ и заведующий Центральным архивом ВСНХ. Арестован в Москве 16 августа 1922 г., находился под домашним арестом. По постановлению коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. выслан за границу. Первоначально выехал в Берлин. С января 1923 г. проживал в Праге. Профессор Русского юридического и Русского педагогического институтов, читал лекции в Карловом университете. Участвовал в создании и деятельности Русского народного университета в Праге. Член Союза русских академических организаций за границей, товарищ председателя, с 1930 г. председатель Русского исторического общества. (См.: «Очистим Россию надолго»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. Документы. М., 2008. С. 778.)

² Об истории РЗИА подробнее см.: Постников С.П. Русские в Праге. 1918– 1928

гг. Прага, 1928. С. 40–44; Флоровский А.В. А.А. Кизеветтер // Зап. Русского исторического общества. Прага; Нарва, 1937. Т. 3. С. 199; Паевова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 19–20; Она же. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения российского зарубежья. М., 1993. С. 78–85; Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 5–32.

³ Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Она же. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 104; Она же. Вечный россиянин – Александр Александрович Кизеветтер // Историки России, XVIII – начало XX в. М., 1996.

⁴ Флоровский А.В. Библиография трудов А.А. Кизеветтера // Зап. Русского исторического общества в Праге. Прага; Нарва, 1937. Т. 3. С. 225–283.

⁵ См: Цепилова В.И. А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933 гг.) // Изв. Уральского гос. ун-та. Екатеринбург, 2003. Вып. 17:

Проблемы образования, науки и культуры. № 34. С. 108–114; Она же. Историческая наука русского зарубежья: Проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005.

⁶ Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, журналист, политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, преподавал в Александровском лицее и Санкт-Петербургском университете. Сотрудник и член редакции журнала «Русское богатство» (1904–1918 гг.). С 1901 г. сотрудник Социал-демократической рабочей библиотеки. Один из руководителей партии народных социалистов (с 1906 г.), затем трудовой народно-социалистической партии (с 1911 г. председатель ЦК). За общественную деятельность неоднократно подвергался арестам и ссылкам (1901, 1903, 1905 гг.). В период Февральской революции член исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, член Особого совещания по выработке положения о выборах в Учредительное собрание. После Октябрьской революции один из основателей Союза возрождения России. С февраля 1917 г. работал в Екатеринодаре в архивной комиссии при отделе народного образования, затем в кооперативном издательстве «Задруга». Несколько раз арестовывался советской властью. По постановлению коллегии ГПУ от 8 сентября 1922 г. выслан за границу. Проживал в Германии, Чехословакии, Болгарии. Занимался научной деятельностью, член Русского исторического общества в Праге (с 1925 г.), профессор русской истории Софийского университета (с 1928 г.), один из основателей Русского

научного института в Берлине. В эмиграции выпустил трехтомную монографию «Очерки социальной истории Украины в XVI–XVIII вв.», получившую высокую оценку коллег. Умер и похоронен в Праге. (См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге... С. 334–335; «Очистим Россию надолго»... С. 785–786.)

⁷ Гулькевич Константин Николаевич (18??–1935) – дипломат, директор департамента МИД, советник российского посольства в Турции, посланник в Норвегии, посол в Швеции, помощник Ф. Нансена по делам русских беженцев, представитель при международных организациях от Совещания послов, эксперт по делам беженцев в Лиге наций.

⁸ Копржикова А. Российские эмигранты во Вшенорах–Мокропсах–Черношицах (двадцатые годы 20-го в.) // Дни Марины Цветаевой – Вшеноры 2000: Новые результаты исследований. Прага, 2002. С. 7.

⁹ Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 207–208. Новоселами стали А.Л. Бем, В.А. Брандт, В.С. Ильин, А.С. Изгоев, Н.О. Лосский, В.А. Мякотин и др. (См.: Коржикова А. Střediska ruskýho emigrantského života v Praze (1921–1952)). Praha, 2001. S. 31–33.)

¹⁰ См.: Бем-Рейзер Т. Украденное счастье // Новый журнал. 2008. Кн. 251. С. 257.

¹¹ Среди обитателей этого «профессорского» дома были: М.А. Андреева, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, И.И. Лапшин, П.Б. Струве, А.В. Флоровский, В.М. Чернов, К.А. Чхеидзе и др. (См.: Коржикова А. Op. cit. S. 33–37.)

¹² ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 73. Л. 7–8, 10 об., 12, 13 об.–14.

№ 1–10 А.А. Кизеветтер – В.А. Мякотину

18 июня 1923 г. – 2 января 1932 г.

№ 1

18 июня 1923 г.

Глубокоуважаемый Венедикт Александрович!

Чрезвычайно желал бы посодействовать Вашему племяннику. К сожалению, теперь становится все труднее устраивать эти дела¹. Назначение студентам иждивения от Академической группы² не зависит, а всецело ведается Министерством иностранных дел. Как раз теперь министерство в этом вопросе резко изменило прежнюю свою политику и дает новые стипендии с большой неохотой. Видимо, здесь находят, что дальнейшее увеличение стипендиятолов обременительно и нежелательно. Подготавляются проекты расселения русских студентов из Праги по различным пунктам Чехо-Словакии³ и новых

¹ Так в документе.

студентов в Прагу принимать не расположены. Мне только что пришлось хлопотать за племянника В.А. Розенберга³ и лишь с большими трудностями удалось получить разрешение на жительство в Чехии, а вопрос об иждивении до сих пор остается еще открытым. Именно по этой-то причине мне сейчас и неудобно возбуждать тотчас же новое ходатайство. Как не хотелось бы мне помочь Вашему племяннику, но сейчас шансов на успех не предвижу. Те, к кому пришлось обратиться, только что выговаривали мне, что моя просьба очень трудно исполнима и проч.

Преданный Вам А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 1. Автограф.

№ 2

19 мая 1924 г.

Horni Černolycse u Prahy^B

Глубокоуважаемый Венедикт Александрович!

Поразмыслив основательно над Вашим письмом, решаю для себя вопрос отрицательно⁴. Написание книги такого типа – дело весьма сложное и хлопотливое. Потребуется много разного рода справок. Наведение таких справок требует много времени и, кроме того, в Праге очень мало нужных пособий. Между прочим, на мне лежит еще несколько не выполненных литературных обязательств, которые в течение лета непременно нужно ликвидировать. Пока с ними не покончу, никак не могу браться за что-нибудь ответственное. По всем этим причинам вынужден отклонить предложение «Слова».

Если Вы решите взять на себя написание этой книги, не продешевите своего труда. Ведь подобная книга – целый капитал. Она будет, конечно, иметь громадный спрос. В прежние времена на такие книги дома себе строили. Теперь, конечно, нам не до домостроительства, но такая книга, во всяком случае, должна быть вознаграждена соответственно ее значению на книжном рынке.

Написать специальную монографию по какому-либо вопросу ведь много легче, нежели серьезную популярную книгу, а о том, что популярная книга будет иметь большой сбыт, и говорить нечего. Любое издательство радо будет вырвать у Вас такую вещь. Так что можно ставить свои условия вполне категорически.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 3–3 об. Автограф.

№ 3

1 апреля 1925 г.

Глубокоуважаемый Венедикт Александрович!

Признаться, я несколько в претензии на Сергея Петровича⁵. Поручая рецензию⁶ Миркину-Гецевичу⁷, почему бы ему было не вспомнить обо мне: ведь тема книги Нольде⁸ входит в ближайший круг моих научных интересов, и, конечно, Миркин-Гецевич не может сказать об этой книге все то, что я мог бы сказать. Между тем за это время всюду уже наприняли рецензий о Нольде, и я вообще лишаюсь возможности что бы то ни было печатно высказывать о книге Нольде. А ведь я дал бы не рецензию, а статью с использованием архивных материалов. Конечно, нет никакой беды в том, что

^B Место на западе Праги.

человечество не узнает моих мыслей о книге Нольде. Но с точки зрения интересов моего кошелька это все же грустно⁹.

Попробую толкнуться еще в «Крестьянскую Россию»¹⁰, но думаю, что там эта тема не подойдет ввиду специального характера этого журнала.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 6–6 об. Автограф.

№ 4

2 апреля 1925 г.

Глубокоуважаемый Венедикт Александрович!

Конечно, отказаться от рецензии Миркина^C нет никакой возможности: помимо того, что С.П. [Мельгунов] вознегодует, Миркин уже обнадежен. За Ваше любезное предложение совместить рецензию Миркина с мою статьей я Вам очень благодарен, меня, конечно, вполне устраивает...^{D11}

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 8 об. Автограф.

№ 5

21 сентября 1925 г.

Глубокоуважаемый Венедикт Александрович!

Решаюсь утрудить Вас большой просьбой. «Современные записки»¹² торопят меня прислать им рецензии на «Дело декабристов» и на «Новые материалы о декабристах», изд. Пушкинский дом¹³. У меня этих изданий нет, но, кажется, Изюмов¹⁴ Вам их привез.

Чрезвычайно Вы бы меня [выручили], если бы были добры захватить их для меня на ближайшее заседание в архиве.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 10. Автограф.

№ 6

24 мая 1928 г.

Дорогой Венедикт Александрович!

В архиве – крупные события¹⁵. Совету надлежало на основании нового положения избрать управляющего архивом. Гуревич¹⁶ повел себя так, что его кандидатура стала совершенно невозможной. Земгоровцы^E заявили, что не будут голосовать. Мы присоединились. Когда Гуревич узнал о кандидатуре Изюмова, то поскакал в министерство и наговорил там, что это – кандидатура не деловая, а политическая и что Изюмов – орудие правых партий (!). Из министерства частным образом было дано понять, что Изюмов нежелателен и что его надо оставить при его специальном иждивении.

Между тем Земгор предложил кандидатуру Архангельского¹⁷, и мы согласились поддержать. Тогда Гуревич, все еще мечтавший сам пролезть в управляющие,

^C Имеется в виду Б.С. Миркин-Гецевич.

^D Отточие автора.

^E Имеется в виду управление Земгора.

моментально, как ни в чем ни бывало, переменил личину и стал натверживать^F в министерстве, что кандидатура Архангельского – политическая, а вот уж если за кого голосовать, так за Изюмова. Министерство не утвердило выбор Архангельского.

Подробности расскажу при встрече. И в этих подробностях столько отвратительного зловония, источаемого Гуревичем и его присными, что Вы можете лишь благословить судьбу за то, что Вас миновало удовольствие это зловоние вдыхать.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 15 об.–16. Автограф.

№ 7

13 мая 1929 г.

Дорогой Венедикт Александрович!

Позвольте мне мысленно поцеловать Вас за Ваши дружеские строки.

«Юбилей»¹⁸ превратился в собрание тесного кружка близких и дорогих мне лиц, которые меня посетили в прошлый четверг, и мы провели время в задушевной беседе.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 18. Автограф.

№ 8

24 ноября 1930 г.

Дорогой Венедикт Александрович!

Что делается с этой эйзенманновской «Историей»¹⁹, я и сам не постигаю. Это какое-то величайшее безобразие. На мои запросы – ответ всегда один: «теперь уже скоро», и это скоро тянется несколько лет!

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 21. Автограф.

№ 9

11 августа 1931 г.

Дорогой Венедикт Александрович!

Я ничего путного не пишу. Пишу всякую всячину только для заработка. Хотя материальный заработка теперь почти равен математической точке, но времена подошли такие, что и математической точкой пренебрегать не приходится. Здешняя русская колония опять охвачена паникой ввиду зловещих сведений о предстоящих новых сокращениях^G. [...] инсулин-то дороговат, а между тем в связи с этим лечением придется отказаться от заработка лекционных поездок, ибо в поездках этого режима соблюдать невозможно.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 28–29. Автограф.

^F Натверживать – частым повтореньем – на словах или на письме – поселять в памяти, заставлять помнить (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М, 1989. Т. 2. С. 482).

^G Далее текст неразборчив.

№ 10

2 января 1932 г.

Podbabska, 88
Praha XIX

Дорогой Венедикт Александрович!

Мы здесь встречаем новый год лишь с одной мыслью: как бы не стало еще хуже. Задержка с заработной платой. И неизвестно, сколько выдадут...^Н Массовые увольнения и сокращения.

Выпустил я книжку своих статей в берлинском издательстве Petropolis²⁰. Но это – лишь одна забава. Условия – шейлоковские¹: никакого аванса, а гонорар: шесть крон с проданного экземпляра, какие золотые горы я загребу... Не могу поднести Вам – не положено. Это теперь входит в моду^J. <...>

Имеем вполне точные сведения, что Платонов в Саратове, Любавский в Уфе, Яковлев в Минусинске, Бахрушин²¹ где-то в Сибири, а более молодые некоммунисты-историки – в Соловках.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-5917. Оп. 1. Д. 113. Л. 34, 37. Автограф.

№ 11–13

А.А. Кизеветтер – К.Н. Гулькевичу

20 июня 1929 г. – 2 апреля 1930 г.

№ 11

20 июня 1929 г.

Глубокоуважаемый Константин Николаевич!

Прошу извинить меня за беспокойство с просьбой. Группа проживающих в Праге русских эмигрантов представила г. Гессе²² ходатайство в Верховный комиссариат по делам русских беженцев²³ о выдаче ссуды составившемуся здесь эмигрантскому кооперативному товариществу для постройки двух домов с квартирами для эмигрантов.

Существо всего этого дела изложено в меморандуме, приложенном к ходатайству. Копию этого меморандума я при сем прилагаю^K.

Будучи членом этого кооперативного товарищества, я по поручению товарищей беру смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой посодействовать удовлетворению нашего ходатайства, поддержать его, чем Вы оказали бы великую услугу делу, которое, как нам кажется, отвечает задачам комиссариата, ибо здесь имеется в виду не простое вспомоществование, а поддержание предприятия, направленного на планомерное удовлетворение одной из насущнейших потребностей проживающих в Праге русских беженцев.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–2 об. Автограф.

^H Здесь и далее отточие автора.

^I Ростовщик Шейлок – главный персонаж пьесы В.Шекспира «Венецианский купец».

^J Опущен фрагмент текста, не относящийся к теме.

^K Меморандум не обнаружен.

№ 12

19 марта 1930 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Николаевич!

Несколько месяцев тому назад я обратился к Вам с просьбой оказать содействие удовлетворению ходатайства нашего кооператива (строительное товарищество) перед Международным бюро труда о выдаче ссуды. Ввиду того, что Вы тогда ответили любезным согласием на мою просьбу, решаюсь опять утрудить Вас настоящими строками.

Пока мы еще не имеем ответа на наше ходатайство. Между тем именно теперь нам было бы очень важно получить эту ссуду. Вы оказали бы нам огромную услугу, если бы были так добры справиться о положении этого дела и, если возможно, посодействовать его благоприятному для нас решению. В Женеве находится сейчас г. Гессе, который информирован нами в Праге о подробностях этого дела.

Простите великодушно, что опять доставляю Вам беспокойство. Прошу принять мой сердечный привет и пожелания всего доброго. Искренне преданный Вам.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 73. Л. 5. Автограф.

№ 13

2 апреля 1930 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Константин Николаевич!

Благодарю Вас за то, что Вы уже сделали для товарищества, предохранив нас от получения отказа на наше ходатайство, и за Вашу любезную готовность в дальнейшем.

А.Кизеветтер

ГАРФ. Ф. Р-6094. Оп. 1. Д. 73. Л. 6–6 об. Автограф.

¹ В 1921 г. в Чехословакии началась так называемая Русская акция, целью которой провозглашалась подготовка «кадров для будущей России». Предполагалось, что участие в ней примут страны-союзницы, но этого не случилось. В рамках акции были открыты учебные, научные и просветительские учреждения; студенты вузов получали стипендию («иждивение»), преподаватели – заработную плату. Расходы на акцию составили около 500 млн чешских крон, что равнялось 5 % годового бюджета ЧСР в 1919–1938 гг. (См.: Постников С.П. Указ. соч. С. 37–41; Пашито В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 24–25; Dokumenty k dějinám ruský a ukrajinskí emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha, 1998. S. 9; Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е гг.). М., 2008. С. 12; и др.)

² Русские академические группы (РАГ) возникли как форма организации научного сообщества по защите своих интересов, занимались вопросами образования русской молодежи, материальным положением

студентов и преподавателей. В Чехословакии РАГ существовала с 1921 по 1945 г. В отличие от других она была только научным учреждением, так как студенческими делами, распределением стипендий и материальной помощи педагогам занимались учебная комиссия, Земгор и педагогическое бюро. Кроме того, пражская РАГ проводила испытания на соискание ученых степеней на базе специальных отделений, обладавших правами факультетских комиссий императорских университетов.

³ Розенберг Владимир Александрович (1860–1932) – экономист, журналист, публицист, член партии кадетов. В 1907–1918 гг. главный редактор газеты «Русские ведомости». Арестован 16 августа 1922 г. По постановлению ГПУ от 21 августа выслан за границу. С 1924 г. в Праге, сотрудник экономического кабинета профессора С.Н. Прокоповича и РЗИА, член Союза русских писателей и журналистов.

⁴ Видимо, имеется в виду предложение от издательства «Слово» о написании научно-популярной «Истории России».

⁵ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) – историк, журналист, политический деятель, член партии народных социалистов. 14 сентября 1922 г. выслан за границу. Проживал в Германии, Франции (Париж). Редактор журнала «На чужой стороне» (с 1926 г. – «Голос минувшего на чужой стороне»). Журнал выходил с 1923 по 1928 г. последовательно в Берлине, Праге, Париже.

⁶ В 1924 г. в Праге вышла книга Б.Э. Нольде «Петербургская миссия Бисмарка. 1859–1862 гг.», в которой частичное изъятие помещичьих земель по крестьянской реформе 1861 г. рассматривалось как аналогия опричнице и большевистской экспроприации.

⁷ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (1892–1955) – юрист, правовед, публицист. Эмигрировал в 1920 г. во Францию, занимался международным правом, печатался в русских эмигрантских изданиях.

⁸ Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – барон, общественно-политический деятель, правовед, дипломат, литературовед. Окончил юридический факультет Петербургского университета, работал в МИД, профессор международного права Политехнического института и Высших женских (Бестужевских) курсов. Член Предпарламента. Кадет. Эмигрировал в 1919 г. Один из организаторов русского отделения при Сорbonne, декан русского юридического факультета при Институте славяноведения (Париж).

⁹ Рецензия А.А. Кизеветтера «Бисмарк, Горчаков и Наполеон III (по поводу книги бар. Б.Э. Нольде "Петербургская миссия Бисмарка 1859–1862 гг.")» опубликована в сборнике «На чужой стороне» (1925. № 11. С. 255–273).

¹⁰ Журнал «Крестьянская Россия» – орган партии «Крестьянская Россия», в которую входили А.А. Аргунов, В.Ф. Бутенко, С.С. Маслов и др. Редактор журнала С.С. Маслов при занятии Праги советскими войсками был схвачен СМЕРШем и погиб.

¹¹ История публикации рецензии на книгу Б.Э. Нольде имела продолжение. В 1927 г. Нольде опубликовал на французском языке работу «Reflexions sur le développement politique de la Russie» в журнале «Monde Slave». На эту тему в 1922–1927 гг. в журнале «Современные записки» вышла серия статей И.И. Бунакова под общим названием «Пути России». В своих работах авторы представили внешне противоположные точки зрения на исторический путь России. В ответ на публикации Кизеветтер написал одну из самых важных для понимания его творчества в эмиграции рецензий – «Общие построения русской истории в современной литературе». (См.: Современные записки. 1928. Т. 37. С. 310–341.)

¹² «Современные записки» – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал русской эмиграции, издававшийся в Париже в 1920–1940 гг. В его редакколлегию входили Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев и др.

¹³ В 1925 г. в Москве в преддверии 100-летия выступления декабристов вышли сборники документов: «Восстание декабристов: Материалы дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии, касающиеся государственных преступников» и «Декабристы. Неизданные материалы и статьи» под ред. Б.А. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. Рецензия А.А. Кизеветтера на эти издания Пушкинского Дома опубликована в журнале «Современные записки» (1925. Т. 26. С. 488–496). (См.: Цепилова В.И. Российская эмиграция и 100-летие выступления декабристов // Отечественная история. 2005. № 6.)

¹⁴ Изюмов Александр Филаретович (1885–1950) – историк, архивист, член партии кадетов, затем народный социалист. Окончил историко-филологический факультет МГУ в 1914 г., был оставлен для подготовки к профессорскому званию у профессора М.К. Любавского. С 1918 по 1922 г. работал инспектором архивов при Московском областном управлении архивным делом, старшим инспектором Главного архивного управления. Арестован в Москве 16 августа. По постановлению коллегии ГПУ от 25 августа выслан за границу. В эмиграции читал лекции в Русском научном институте в Берлине, с 1925 г. стал заведующим отделом документов РЗИА, член его ученої комиссии. С 1933 г. заместитель директора архива. В 1941 г. интернирован, четыре года провел в немецких концлагерях. Освобожден в мае 1945 г. Принимал участие в работе Комиссии по передаче документов РЗИА в СССР в 1945 г. (См.: Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге... С. 304.)

¹⁵ В 1928 г. архив передан в ведение МИД ЧСР, в связи с чем возникла необходимость избрания нового управляющего.

¹⁶ Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940) – общественный и политический деятель, адвокат. С 1920 г. находился в эмиграции в Праге, член Заграничной делегации ПСР, председатель Земгора, в 1923–1928 гг. управляющий делами РЗИА. (См.: Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.)

¹⁷ Архангельский Василий Гаврилович (1868–1948) – общественный и политический деятель, публицист. Член ЦК партии социалистов-революционеров. Один из основателей пражского Земгора и член его правления. Сотрудник РЗИА с 1926 г.

¹⁸ Возможно, речь идет о 20-летии со дня защиты А.А. Кизеветтером докторской диссертации (1909 г.).

¹⁹ Имеется в виду выход в свет трехтомной «Истории России» на французском языке под редакцией Ш.Сеньобоса, Л.Эйзенманна и П.Милюкова. Среди ее авторов – А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, Б.С. Миркин-Гецевич, П.П. Гронский, Ю.Н. Данилов, Л.Эйзенманн, Ш.Сеньобос, К. д'Альмейда и Л.Нидерле. Книга вышла в 1932–1933 гг. (См.: *Histoire de Russe / P.Milioukov, Ch. Seignobos et L.Eisenmann. Paris, 1932. T. I-II; 1933. T. III.*) Для этого издания А.А. Кизеветтер написал главы о Московском государстве, истории Российской империи XVIII в. (без Петра I), несколько глав по истории XIX столетия (Александр I и Александр II).

²⁰ Речь идет о сборнике статей «Исторические силуэты» (Берлин, 1931).

²¹ Историки С.Ф. Платонов (1860–1933), М.К. Любавский (1860–1936), А.И. Яковлев (1878–1951), С.В. Бахрушин (1882–1950) были сосланы по так называемому

«Академическому делу». (См.: Академическое дело. 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова.)

²² Гессе Павел Августович (1886–1932) – юрист, общественный деятель; с 1922 г. в эмиграции в Константинополе, сотрудник Международного комитета Красного Креста, затем отдела Лиги Наций; с 1926 г. в Бразилии; с 1928 г. в Праге, представитель Международного объединения по оказанию помощи беженцам в Чехословакии.

²³ В 1921 г. сессия Совета Лиги Наций приняла решение об утверждении должности верховного комиссара по делам русских беженцев. Верховным комиссаром стал норвежец Ф.Нансен, который имел своих представителей в странах-реципиентах. (См.: Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения. 1920–1930-е годы: Сб. док. и материалов / Сост. З.С. Бочарова. М., 2004. С. 3–66.)